

Т.Б. Тагарова

Иркутский государственный университет

Функционально-стилистическая дифференциация фразеологических единиц бурятского языка

Аннотация: В статье впервые делается попытка классификации фразеологических единиц бурятского языка в функционально-стилистическом аспекте. На материале бурятского литературного языка характеризуются фразеологические единицы книжного, разговорного и нейтрального стилей в зависимости от наиболее активного употребления ФЕ в какой-либо сфере жизнедеятельности носителей языка. Основными признаками принадлежности ФЕ к какому-либо стилю являются характер лексических единиц в составе ФЕ, а также эмоционально-экспрессивная окрашенность ФЕ.

In the article for the first time there is made an attempt to classify Buryat language phraseological units according to functional stylistic aspect. On the material of Buryat literary language phraseological units of books, spoken and neutral styles are characterized depending on their most active use in any sphere of native speakers life. The main feature of phraseological unit which refers it to a certain style is the nature of lexical units used in it, as well as emotionally expressive connotation of the phraseological unit.

Ключевые слова: бурятские фразеологические единицы, функциональные стили, книжные, разговорные, межстилевые ФЕ, стержневые слова.

Buryat phraseological unit, functional styles, the book, spoken, interstyle phraseological units, core words.

УДК: 809.423–56.

Контактная информация: Иркутск, ул. Чкалова, 2. ИрГУ, кафедра бурятской филологии. Тел. (3952) 243995. E-mail: bogoevna@gambler.ru.

Важнейшей задачей фразеологической стилистики является исследование критериев и методов стилистического разграничения фразеологических единиц (ФЕ), их функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной дифференциации в толковых, фразеологических словарях и в словарях синонимов. Во главу угла бурятской стилистики ставились положения В.В. Виноградова и др. ученых. Бурятскую стилистику изучали С.Ш. Чагдуров [1959], Ц.Б. Цыдендамбаев [1963; 1965], Л.Д. Шагдаров [1974; 1989], Т.Б. Тагарова [2002, 2006, 2008а; 2008б], Д.Д. Санжина [2000; 2007] и др.

Актуальность вопроса по разграничению стилистических пластов фразеологии бурятского языка связана с недостаточной разработанностью проблем в этом направлении. Важно разграничивать ФЕ разного стилистического достоинства: книжные ФЕ, обладающие повышенной литературностью, стилистически приподнятые; нейтральные, имеющие среднюю степень литературности, стилистически нейтральные в функциональном плане; разговорные ФЕ, литературно сниженные, непринужденные. Практическое значение стилистической дифференциации ФЕ заключается в улучшении описания их в словарях. Большая роль в определении функционально-

стилистической принадлежности ФЕ отводится стержневому слову в его составе (книжное, разговорное).

Характеристику стилевых разрядов ФЕ логично начать с нейтральных, межстилевых, фразеологизмов, так как именно этот пласт является точкой отсчета ФЕ, имеющих какое-либо стилевое значение.

1. Межстилевые фразеологические единицы

«К нейтральным относятся фразеологические единицы, обладающие средней степенью литературности и неограниченные в употреблении. Их функционально-стилистическая нейтральность состоит в общеупотребительности, в том, что они не книжны и не разговорны, не имеют стилистической приподнятости или сниженности» [Федосов, 1977, с. 65]. Межстилевые фразеологизмы, как и межстилевые слова, являются, таким образом, простыми наименованиями явлений объективной действительности, без какой-либо их оценки; они общеупотребительны, а поэтому в ряду синонимичных слов и оборотов всегда выступают как стилистически нейтральные. Бурятским нейтральным ФЕ свойственна обычная, нормальная литературность. В отличие от стилистически значимых с ограниченным употреблением ФЕ, нейтральные ФЕ функционируют во всех стилях.

Сравним синонимичные *хамараа үргэхэ* нос поднимать или *һүүлээ һүбээ дээрээ хэхэ* хвост на зад положить; *ухаа муутай* плох умом и *мяхан тархи* мясная голова и т.д., где первые ФЕ являются функционально нейтральными.

Нейтральные ФЕ можно сгруппировать стержневому слову, это основные жизненно важные слова. 1.1. ФЕ со стержневым словом-существительным: *сагнаа урид* ‘раньше времени, преждевременно’; *саг сагтаа, сахилза хүхэдөө* ‘всему свое время’, *сагайнгаа шааслангаар болуужаг* ‘время покажет’ и т.д.; *тэнгэри буруу хараха* ‘удаче отвернуться’, *тэнгэри газар хоёрой хоорондо* ‘в мире’; *тэнгэридэ тулатар (хүрэтэр)* ‘до небес’ (превозносить); *тэнгэриин үдэр бүри (бүхэн)* ‘каждый божий день’ и т.д.; *нара харахагүй* ‘света белого не видеть’; *наран жаргаха* ‘солнце на закат’; *наран хойноһоо (баруун тээһээ) гараха* ‘случиться чему-то небывалому, невозможному’ и т.д. 1.2. ФЕ со стержневым словом-глаголом: *жэшээ абаха* брать пример, *үгэдөө хүрэхэ* сдерживать слово, *гуулияа бултайлгаха* показать свое истинное лицо, *бэеэ бариха* держать себя в руках, *хүлөө шоройдохо* ‘жить’; *нюдэнэй хоро гаргаха* ‘вздremнуть’, *үзэн ядаха* ‘ненавидеть’, *зурхэ алдаха* не решаться, робеть и т.д.

Высока доля в использовании в номинативной функции необразных или малообразных ФЕ: *ажалай дүрэ мэдэхэ* ‘иметь навык работы’, *һанаагаа амарха* ‘успокоиться’, *эбээ таһарха* ‘рассориться’, *һалхи абаха*. I. Почувствовать запах, присутствие кого-либо. II. Простудиться. 1.3. ФЕ со стержневым словом-прилагательным имеют ярко выраженную национальную специфику, кроме обозначения цвета выполняя усилительную функцию: *хара чёрный* – *хара зоргондоо* самовольно, ‘вволю’. Например, *Мишл тархья һанжуулаад, хара зоргондоо хүнэй гэххэдэһэн боложо хэбтэхэ гэжэ яаха юм* [Тагарова, 2006, с. 296]. – Зачем же так голову вешать, и вовсе валяться под ногами у других. А также *хара хүлһэн* трудовой пот, *хара һанаан* черные помыслы, *хара эльгэтэй* недобрый и т.д.; *сагаан архи* белое вино ‘водка’; *сагаан турлааг* белая ворона; *сагаан хии* ‘белая горячка’ и т.д.; *улаан нюураараа* лицом к лицу, *улаан сурба* ‘малолетние дети’; *нюдэндэ дулаахан* глазам тепло ‘симпатичный’; *ута гартай* 1. О человеке со связями. *Туһалха даа, ута гартай хүн гээшэл* [Там же, с. 247]. 2. Руки загребушие (о жадности, воровстве). ...*Зөөри зөөшэдэ «ута гараа һарбайдаг» хомхой хобдог хүнүүдһээ жэрхэдэг, үзэн ядадаг зантайгша* [Там же] и т.д. 1.4. ФЕ с числительными: *Далан долоон халаһатан* бедняки; *ганса бэе* одинокий человек; *үхэл амин хоёрой хоорондо* между жизнью и смертью; *долоон*

заяанай. Букв. семи судеб. 1. Давным давно. *Юун болоод, яагаад долоон заяанай энээрүү харагдахаяа болишообши?* [Тагарова, 2006, с. 106]. – Почему тебя здесь не видно целую вечность, что случилось? 2. Испокон веку. *Өөрөө долоон заяанай хүхэ, харуул барижа нурахан тула ажал гээшые аргагүй сэгнэдэг ха юм даа* [Там же]. – Он сам испокон веку держал в руках топор, рубанок и очень ценил труд и т.д.

1.5. Концепт ‘время’ выражается многочисленными наречными ФЕ, в основном, безо‘бразными: ‘давно’: *долоон заяанда (ябаранай)* в незапамятные времена; *үни заяанда (галабта)* до потопа; *хэр галабһаа (хойшо)*, *хэзээ заяанһаа* испокон веков и т.д.; ‘часть суток’: *боро хараан* сумерки; *үнэгэнэй харанхы* самая темная пора до рассвета; *үүр хираанаар* ни свет ни заря; *һүнийн зоргоор* на ночь глядя и т.д.; ‘промежуток времени’: *ойро (саг) зуура* некоторое время и т.д.; ‘одновременность’: *тиихэ зуура (хирэдэ), тэрэ зуура (үедэ)* тем временем и т.д.; ‘начало’: *түрүүшын ээлжээндэ* в первую очередь; *даб гэнээр (дээрээ)* первым делом; *нэн (түбхын) түрүүн* прежде всего; ‘постоянство’: *саг үргэлжэ* постоянно; *тэнгэрийн үдэр* каждый божий день; *үеын үедэ* испокон веков; *наһан соогоо* на своем веку, всю жизнь; ‘конец’: *һүүлэй һүүлдэ* в конце концов; *һүүлшын ээлжээндэ* в последнюю очередь; *һүүл дээрээ* наконец, в заключение и т.д.; ‘предельность’: *мүнөө хүрэтэр* до сих пор; *тэрэ болотор* до тех пор пока; *мэнэ һаяхан* только что; *тээ мэндэ* без году неделя и т.д.; ‘будущее’: *хойто наһандаа (түрэлдөө)* в будущей жизни и т.д.

Концепт ‘пространство’ выражается в ФЕ со значением места, направления, причем зачастую эти значения смыкаются со значением образа действия: *гал уһан соогуур* сквозь огни и воды; *наһаа саагуур, наранһаа наагуур* от меня подальше; *нара буруу* против хода солнца, против часовой стрелки; *нара зуб* посолонь; *нюдэн дээрэ* на глазах; *нюдэнһөө далда* с глаз подальше; *нюдэнэй үзүүртэ* очень далеко; *тархиингаа хазайһан тээшэ* куда глаза глядят; *үхэл амин хоёрой эрмэг дээрэ* на краю смерти и жизни; *хилгааһанай эрмэг дээрэ* на волоске; *хутагын эри дээрэ* на лезвии ножа; *шанха дээрэ* в зените; *элеэгэй һүүдэртэ* под крылом и т.д. Образ действия выражен ФЕ *мэнэ гэнээр* сию минуту; *энэ дарыгаа* в два счета; *нэгэ зулаар* одним духом, *нюур дээрэ* в лицо, *хирэ болоод лэ* время от времени, *хирэ хирэ болоод* иногда, урывками, *хиш газар* впустую и т.д.

2. Разговорные фразеологические единицы

ФЕ разговорно-бытового характера отличаются от межстилевых ФЕ с одной стороны более узкой сферой употребления (это ФЕ устной речи), и с другой стороны специфической, «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (бранности, иронии, презрения, шутки, фамильярности и т.д.). Например, *ама таглаха* заткнуть рот; *бухын бааһан шэнги* с бычий навоз; *хормойдоо һалхи хабшуулха* быть легкомысленным.

Для разговорных ФЕ характерны такие семантико-стилистические признаки, как бытовая характер, обыденность, фамильярность, некоторая вольность, неприязнительность, незначительность, развязность, резкость или, наоборот, подчеркнутая интимная мягченность, непринужденность, понимаемая очень широко [Черемисин, 1966, с. 53]. И.А. Федосов обобщает: «Основное в разговорных ФЕ – это литературная сниженность, а не непринужденность, как и некоторая вольность, фамильярность и т.п. – производные показатели более широкого и общего признака – литературной сниженности» [Федосов, 1977, с. 125].

Разговорным ФЕ в массе более свойственна образность, они опираются на лексику конкретную: *яһан үргэн* болтун; бран. *хүхэ үлэгшэн сука, үхэһэн мяхан*, об очень пьяном человеке, *альган тараг* оплеуха, *шархья хатааха* сдохнуть; *һэр-мэр гэхэ* ≈ ‘ушки на макушке’ и т.д. В центре сферы возникновения разговорной

фразеологии находится человек в обиходно-бытовом аспекте его жизнедеятельности, субъективное восприятие им окружающего мира и т.д.: *арһынь хуулаха (үбшэхэ)* ‘шкуру спускать’, *хүхэ модоор унаха* ≈ надрывать животики, хохотать; *хуушан үлирбэ* ≈ старая перечница’ и т.д. Распространены и ФЕ, лишённые выраженной образной основы: *хэн мэдэбэ* кто его знает, *яба хээбэшье* как бы там ни было, *үйлөөрөө болуужа* будь что будет; *оог шашха табиха* поднять крик, вопли.

Основные грамматические особенности разговорной фразеологии связаны с устным характером разговорной речи. Структурно-синтаксическая специфика данной фразеологии обусловлена ситуативным характером коммуникации и диалогичностью разговорной речи. В частности, основное место занимают глагольно-именные ФЕ при относительной незначительности именных ФЕ, более типичных для книжного стиля:

Улыень долёохо ‘быть подхалимом’; *тараг бүрихэгүй* ‘каши не сварить’, *уур соо уһа нюдэхэ* ‘в ступе воду толочь’, *улха матаар урьяха* ‘злиться’, *халбагаа хахарха* поссориться, *юу оложо эдихэб* ‘что с него взять’, *нойтон мунса* ‘дубина стоемосовая’; *хан гэхэ хашарһагүй* не иметь ни гроша за душой; *уһан тулам* пьяница и т.д.

Функции разговорных ФЕ разнообразны – выражение отрицания, иронии, юмора, положительной оценки. Функции этих ФЕ усиливаются контекстуальным окружением или несколькими ФЕ одного стилистического пласта. Например: *Үни хада түрмын оёрто шэнгэһэн гү, али шархия хатааһан байха һэн ааб даа* [Тагарова, 2006, с. 381]. – Давно потонул бы или откинул копыта в дебрях тюрьмы.

Одни из ранних по происхождению – соматические ФЕ, со словами, называющими части тела, органы, различные физиологические процессы и т.д. Например, *альган тараг* оплеуха, *ама задагай* болтун, *бүгсэ хүндэтэй* ленивый, тяжелый на подъем, *тархья эдихэ* погубить себя, *шүлһөө һайраха* истекать слюнями, *нюдэ анюулха* убить; *нюдэнэй булай*, *эдеэнэй дарамта* ‘бельмо на глазу’. Отметим, что среди разговорных ФЕ закономерно больше отрицательнооценочных единиц: *годон толгой* ≈ гол как сокол; *улаан гуяа ташуурдаха* быть голодранцем, *хамар дээрээ сухалтай* вспылчивый, *яһаа саймар* кости чтоб побелели (руг.), *үлхөө яһан* связка костей, *үхэнэн шабгансаһаа унгаһа эрихэ* ≈ искать вчерашний день; *нюһаа һанжуулха* сопли развесить и т.д.

Интересна реализация ФЕ с оттенком пренебрежительности в художественных контекстах: *Хэлэмни яһагүй гээд лэ шашалтагүй...* [Там же, с. 416]. – Нечего болтать, благо язык без костей...; *...Шарии гээшэ шархиин годон...* [Там же, с. 381] – Шари как шкурка с ноги собаки для чириков...

ФЕ выражают:

– иронию: *...Хүлөө жишжэ, хүйһэндөө нёлбожсо хэбтэхэ һэм.* [Там же, с. 333]. – ...Я бы растянулся, поплеывал себе на пупок;

– резкое порицание: *Дуугай бай, духаа хатамар!* [Там же, с. 110]. – Молчи, иссохшая с затылка!; *Эшэхэ нюургүй, нюуртаа шабааһа түрхийэн үлэгшэн даһаа!* [Там же, с. 182]. – Бесстыжая, на лицо намазавшая навоз и т.д.;

– средство эмоциональной разрядки говорящих: *Тархья залги! Тархья гантаг!* Черт с ним! и т.д.; грубо-фамильярное отношение: *шэлээд, шэшэнгиртээ һууха* выбрать наихудший вариант в конечном итоге. *Шэлэнэб гээд лэ шэшэнгир дээрэ һуушадаг ушар харагдажал байгша* [Там же, с. 393].

ФЕ с числительными выражают количественную экспрессию, т.е. преувеличение размеров пространственных, временных параметров, качеств человека и т.д.: *далан (долоон) дабхар* много слоев; *Долоон уулын хүндыгөөр тонил!* [Там же, с. 106]. – Уматывай за семь горных распадков! – *Юухэлдэйн юһэн халааша!* [Пурбуев, 2003, с. 26] – Девять калачей юхэлдэя! ≈ Кукиш с маслом! и т.д.

Нужно отметить, что экспрессивность данных ФЕ складывается из органического сочетания семантики оборотов с планом выражения. Прежде всего, здесь имеет место выражение эмоций, характерных главным образом для будничного межличностного общения. Такие эмоции носят выражено личный характер, конкретно-индивидуальную направленность и обычно не получают фразеологического оформления в нейтральном и книжном стилях. Отметим, что числительные являются средством гиперболы.

Нельзя не заметить высокую частотность компонента *нохой* ‘собака’ с негативной окраской в ФЕ с зоонимами, образованными на основе гиперболы: *нохойн эдихээгүй* что-то неприятное, отвратительное. *Али дэлхэйн, нохойн эдихээгүй муу зүүдэ хараад, дураа гутаһандаа, хороо намда бу гаргагты сааш* [Тагарова, 2006, с. 157]. – Увидев кошмарный отвратительный сон, из-за плохого настроения нечего срывать на мне злость.

Зачастую подобные ФЕ выражают крайнюю степень отрицательных эмоций человека, подчеркиваемых контекстуальным окружением, это ФЕ на основе метафоры: *нюуртаа нохойнхише турхихэ* потерять стыд, *нохойн наадан* чепуха, *бухын тархи* букв. быка голова, сожаление по поводу неприемлемой ситуации. Образ свиньи вызывает отрицательные ассоциации: *гахай ябаган* безлошадный, неимуций и т.д.

Сравнительные обороты отличаются конкретной образностью: *тэмээн ямаан хоёр шэнги* как верблюд и коза, *бухын бааһан шэнги* как навоз быка, много, *мухар үхэр шэнги* как комольный бык (тупо и упрямо) и т.д. Так ФЕ с зоонимами демонстрируют субъективизм носителей языка по отношению к образу какого-либо животного.

Слово ‘бог’ *бурхан* в разговорных ФЕ потеряло высокую окраску и приобрело черты разговорности. Например, в ФЕ-междометиях *бурхан зайлуул* избави боже! или *бурхан заяан халхала!* бог, судьба, защитите! *бурхан хараха* бог видит и т.д. Подобные ФЕ могут иметь фамильярный оттенок, ироническую окраску: *бурханай хамарта тамхи хэхэ* раззадорить. *Бурханай хамарта тамхи хэхэ орхибо ха юмбиб. Ямар айхабтар солгёон худагы байба гээшэб, хөөрхышни?* [Там же, с. 53]. Здесь у слова *бурхан* нивелируется денотативно-сигнификативный компонент. Образ черта кладется в основу ФЕ в разговорной речи, придавая высокую экспрессивность: – *Шүдхэрөө бэдэржэ, энээ руу ерээд, дабишжа һуунабиш?* [Пурбуев, 2003, с. 154] – Какого черта ты здесь сидишь, развалившись? и т.д. Активны междометные ФЕ с образом черта: *шүдхэр абаг!* черт возьми! *шүдхэр ехэ!* вот черт! и т.д.

Народное ремесло, действия кочевого народа, связанные с животноводством, не могли не отразиться в разговорных ФЕ: *арһынь хуулаха* букв. шкуру содрать, *голдонь хурэхэ* достичь аорты, *хэдэргэ шэнги хэлэтэй* с языком как кожемялка; *нохой тахалха* заниматься ерундой: *Нохойн дүрбэн тагалсаг түмэр тахаар тахалаа болёошье хаа, гүйхөөрөөл гүйхэ юумэ бэшэ гү?* [Тагарова, 2006, с. 155] (из кузнечного дела); *нохойн годондо бодохогүй* ни во что не ставить: *Тиимэнээ Доржо үбгэн мүнөө Бадма абгайнда ошожо, энэ болоһон ушарые дуулгахаяа нохойнишье годондо бодохогүй байгаа* [Тагарова, 2006, с. 156] (из скорняжного дела). Определению стилистической функции помогают слова контекста, общий тон высказывания: *...Ши тиигээд үтэтэй ямаанһаа доро...* [Там же, с. 279] – ...А ты хуже зачервивевшей козы... (из ветеринарии). *Өвхэтэй ормогшни, үшөө тиигээжэ байжа доржогонохобиш-и!* [Там же, с. 191]. – Еще будешь так трещать, ормок с жиром! *Ормог* – кушанье из внутренностей животного.

Таким образом, ФЕ разговорного пласта являются одними из наиболее распространенных в приземленно-сниженном, бытовом речевом употреблении. Наиболее продуктивны ФЕ с соматизмами и бытовизмами. Для многих из них грамматическим признаком является функционирование в роли междометий.

3. Книжные фразеологические единицы

Книжные ФЕ отличаются преимущественным употреблением в письменной речи, с другой стороны, своей специфически «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т.д.). Функциональная сфера книжных ФЕ – официально-деловой, публицистический, научный, художественный стили со строго нормированной литературной речью. Лексическим признаком являются книжные слова.

ФЕ официально-делового стиля не свойственна эмоционально-экспрессивная окраска, они просто называют объект, действие или явление, например: *уришалан түлэлгэ* предварительная оплата; *үнэ хаялсаан* аукцион; *мүнгэнэй эрьесэ* денежный оборот; *гомоллогын жаса* инвестиционный фонд; *ажахын тоосоон* хозяйственный расчет; *зарга бариха* предъявлять судебный иск и т.д. В художественной прозе встречаются следующие ФЕ: ‘дисциплину соблюдать’: *Япон офицерэй журам сахижа...* [Тагарова, 2006, с. 117]; ‘принимать меры’: *Гэмтэй зэмтэй байгаа наамни, хэмжээ абаха танайл дуран юм бээ...* [Там же, с. 355]; а также ‘принять решение’ *шиидхэбэри абаха*; ‘понести наказание’ *гэм нүгэлөө өөртөө өөртөө амсажа*; присваивать звание *нэрэ зэргэ олгохо*; ‘оповещать о чем-либо’ *зар тунхаг табиha* и т.д.

В сатирическом произведении книжная ФЕ используется для создания эффекта иронии, юмора: *Энэ хара шолмые... Одоолиье зэмыешни амасуулхаб...* [Там же, с. 130]. Эффект юмора возникает от несоответствия объекту данной ФЕ, соотносимой к насекомому (клопу). ФЕ *гар табиha* приобретает иронический оттенок в контексте этого сатирического романа: *Заата заагүй уригдаха ёһотой хоёр зуун хүнэй нэрэнүүдые һамгамни гараа табижа баталаа...* [Там же, с. 78] и т.д. Газетно-публицистическая фразеология отличается характерными сферами активного употребления (научно-техническая, международная, культурная, спортивная и др.). Соответственно, тематика ее ограничена по сравнению с разговорными ФЕ.

Мунхэ дурасхаал вечная память, *хүндүүлхэй асуудал* больной вопрос, *дайшалхы габьяа* боевые заслуги, *шэлжэн оролгын хаһа* переходный период; *һудал бариха* держать пульс; *зогсолтын үе* период застоя; *ганса хүндэ шүтэлгэ* культ личности; *хүрин тахал* коричневая чума; *хүйтэн дайн* холодная война; *түгшүүрилтэй байдалай һуларалга* разрядка напряженности, *анхарал татаха* внимание притягивать; *баяр хүргэхэ* букв. радость доставить поблагодарить, *ашыень харюулха* воздать благодению, отблагодарить; *баатарай үхэлөөр унаха* пасть смертью храбрых и т.д. – основная часть данных ФЕ из газетных текстов калькирована с русского языка. Приведем пример из газеты «Буряад үнэн»:

Закаменск хото хубилган шэнэдхэлгын үедэ үзэгдөөгүй һандарал ядаралда ороод... [27.12.2007] – Город Закаменск пережил разруху во время перестройки... В том же номере есть такие книжные калькированные ФЕ, как *хубисхалай үлгы* колыбель революции, *алтан үзэгүүдээр бэшэгдэхэ* золотыми буквами пишется, *үргэн дэлисэтэйгээр* с широким размахом, *нэгэн дуугаар* единогласно и т.д.

В художественной прозе такие ФЕ используются при описании тех или иных общественно-политических событий: *Хоёр миллиард шахуу мунгэ дайнай галда хаяад...!* [Тагарова, 2006, с. 97]. – Почти два миллиарда рублей бросили в огонь войны! *Манай колхозой ангуушад зөөлэн алта тушааха түсэбөө үлүүлэн дүүргэжэ...* [Там же, с. 122]. – Охотники нашего колхоза перевыполнили план по сдаче мягкого золота... и т.д.

Фразеология времени социализма отошла в пассивный запас, употребляется в целях создания исторического колорита: Враг народа: *Заралганда ошоходонь, арадай дайсан гэжэ байгаад хараагаа бэлэйбди* [Там же, с. 35]; классовый враг: *...Ангийн дайсадай хорото ябадалтай хайра гамгүй тэмсэхэ* [Там же, с. 33]; классовая борьба: *...ангийн тэмсэл* классовая борьба [Там же] и т.д.

Надо отметить, что ФЕ со структурой предложения зачастую имеют книжную окраску, закономерно демонстрируя обусловленность жанровыми особенностями произведения. Например, в исторической драме Б.П. Пурбуева используются ФЕ, характеризующиеся патетикой, торжественностью: «*Биб гэһэн гансаараа, бидэ гэһэн хүсэтэй!*» [Пурбуев, 2003, с. 221] – Я – это один, мы – это сила! и т.д. В комедиях основная часть фразеологии – разговорная и нейтральная. Таким образом, публицистические ФЕ отличаются стойкостью функционально-стилистической окраски и преимущественно рассудочным характером экспрессии.

ФЕ, относящиеся к религии, изначально носят книжный характер. Например, *гурбан эрдэни* три драгоценности, *нирваанда хүрэхэ* достичь нирваны, *тамын зоболон* муки ада, *нирваанай жүһэ бариха* приблизиться к раю; *оршолонто юртэмсэ* бранный мир, вселенная; *тагаалал болохо* почить в бозе, *бурханай орон* рай; *абарал буулгаха* пророчествовать.

Зачастую подобные ФЕ фигурируют в авторской речи, в тексте внутреннего монолога, в философских размышлениях героев: ФЕ ‘божьей милостью’ – *Ши болбол бурханай хайраар арюун сэдхэлтэй, арюун түрэлтэй, арюун заяатай залуу хүн байнаш!* [Тагарова, 2006, с. 53]. Со значением ‘благодетельная делатель’, пророчица обряд по захоронению. *Тишгээд гуримай ёһоор хүдөөлүүлэгдэжэ, буянаа хүүлээгүй хүнүүд түрэлөө оложо ядан...* [Там же, с. 55].

Часто книжные ФЕ выполняют функции иронии, которая достигается контрастным употреблением вместе со словами обыденного характера применительно к обыденному случаю: *Түрүүлэгшын орондо ажлалха дуратай хүнүүд байгаа наа, бурханай хайраар ажлалга лэ* [Там же, с. 53].

ФЕ, включающие религиозные термины, выражают эмоции человека, выступают в роли междометий. При этом теряется книжный, возвышенный оттенок: ФЕ ‘бог пусть спасет’: ...«*Бурхан абараг!*» – *гэжэ аман соогоо шэбэнэ һэн* [Там же, с. 50]; ‘бог видит’, ‘бог пусть смилуется’: *Бурхан харана бээ!* [Там же, с. 52]. ФЕ со значением смерти из-за частого употребления в речи в определенной степени потеряла книжную окраску: *бурхандаа мордохо* к богу своему уйти, умереть. *Бурхандаа мордоторни тэсэхэ бээ* [Там же, с. 53] – Потерпит, наверное, пока я не уйду к богу и т.д. Хотя в большинстве случаев тема смерти раскрывается книжными ФЕ: ‘предсмертные минуты’ *һүүлшын саг*; ‘последний путь’ *һүүлшын зам*; ‘вечная память’ *эгүүридын дурасхаал* и т.д. Иронию передает ФЕ: *Эндэ үлгөөтэй байхамни одоол бурханай к мэдэлэй* [Там же, с. 51] – В ведении бога, что я должен тут висеть (речь приписана головному убору).

Приведенные примеры еще раз подтверждают размытость грани между ФЕ разного стиля, возможность перехода ФЕ из одного стилистического пласта в другой, значимость контекста в определении семантико-стилистического значения.

ФЕ, имеющие происхождение из фольклора, обладают торжественным патетическим характером, таков же и контекст: *дайгаа (дайсанаа) дараха, даагаа һүүлдэхэ*. Выйти победителем из войны. ...*Дайсанаа даража, даагаяа һүүлдэжэ, дархан солоёо нэрлүүлжэ бусахыетнай юрөөнэбди* [Там же, с. 97].

Этикетные ФЕ используются при обращении к высокопоставленным лицам: Ваше высочество: ... *Үндэр изагуурта айлиан Николай Аликсандарвиш...* [Там же, с. 271]. ‘Быть удостоенным милости’ использована в ироническом ключе: *Шараб һүниин харанхые һамбаашалжа...* *Бадмасуугай хайра үршөөлдэ хүртэдэг болоо һэн* [Там же, с. 278]. – Ширап, пользуясь темнотой ночи... достаивался милости от гостеприимной, веселой болтушки Бадмасу.

ФЕ-поэтизмы имеют черты высокого стиля: ...*жаргалайнгаа магнай дээрэ ябааб!* [Там же, с. 116]. – ...был на пике счастья! Или *Залуу наһанайнь гэгээн сагаан дурые хоёр нюдэнэйнгөө сэсэги шэнгээр үргэжэ, үмгэлжэ ябаһан хайрата*

нүхэрэйнгөө... [Там же, с. 176]. – Любимого друга, хранившего, берегшего как зеницу ока, светлую любовь молодости... Известный поэт Д.А. Улзытуев творчески использует ФЕ в своих стихах [Улзытуев, 1974, с. 73]:

...Тамын хүн тамада жаргалтай гэдэг...	...Человек ада счастлив и в аду...
Тамашье байг, нирвааншье байг,	Пусть и ад есть, и рай есть,
Би замбида дуратайб, дуратайб, дуратайб!	Я вселенную люблю, люблю, люблю!

Такое русское выражение как «окно в Европу» поэт применил, трансформируя [Улзытуев, 1974, с. 80] (перевод наш. – Т.Т.):

...Балтийн далайн эрьедэ, Баатар хаанай сүмэлхэн Баруун ехэ «сонходо» Зогсожо мүнөө байхадамни...	...На берегу Балтийского моря, Богатырем царем пробитого У западного великого «окна», Когда сейчас я стою...
--	---

Таким образом, ведущим признаком книжных ФЕ можно считать книжные лексемы в компонентном составе ФЕ. Отмечается контекстуальное влияние, способствующее выполнению ФЕ функций иронии, юмора.

В целом, бурятские ФЕ распределяются по функциональным признакам на книжные, нейтральные и разговорные. Одним из признаков, по которым ФЕ относятся к тому или иному стилистическому пласту, является сфера их функционирования. Также важным признаком стилевой принадлежности ФЕ является лексика, входящая в их состав, то, какие семантико-стилистические характеристики она имеет. Единич научной фразеологии в рассмотренных нами произведениях не выявлено.

Литература

- Буряад үнэн. 1996, 2007, 2008 гг.
Пурбуев Б.П. Эрхэхэ наран... Агинское, 2003.
Санжина Д.Д. Язык бурятской художественной литературы (лингвостилистическое описание лексики). Улан-Удэ, 2000.
Санжина Д.Д. Бурятская лингвостилистика. Стилистические средства лексики. Улан-Удэ, 2007.
Тагарова Т.Б. Функционирование фразеологических единиц бурятского языка в газетно-публицистическом стиле. Иркутск, 2002.
Тагарова Т.Б. Буряад хэлэнэй тогтоомол холбуулалнуудай найруулга: Учебное пособие. Иркутск, 2008а.
Тагарова Т.Б. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. Иркутск, 2008б.
Улзытуев Д.А. Ая гангын орон. Улаан-Үдэ, 1974.
Федосов И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов н/Д., 1977.
Фразеологические единицы языка бурятской прозы. Словарь-справочник. Сост. Тагарова Т.Б. Иркутск, 2006. – 420 с.
Цыдендамбаев Ц.Б. О стилистической дифференциации лексики бурятского языка // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963.
Цыдендамбаев Ц.Б. Язык бурятской периодической печати // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху, 1965. С. 104-109.
Чагдуров С.Ш. О выразительности слова в художественной прозе. Улан-Удэ, 1959.
Черемисин П.Г. Опыт исследования стилистической синонимии. Орел, 1966.
Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка / Отв. ред. В.И. Рассадин. Улан-Удэ, 1974.
Шагдаров Л.Д. Особенности новаторского использования лексико-грамматических средств бурятского языка в рассказах Ч. Цыдендамбаева // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 3-12.